

ПУГОВИЦА

ЧАСТЬ I

Сентябрь, 2003 год

...Я уже не помню, когда приходил домой, не будучи слегка подшофе. А может быть, и не слегка... Но со вчерашнего дня появилось ощущение, будто бы мне под лопатку вшили «торпеду» и я умру даже от одного вида стопки с водкой или коньяком. Погасить возбуждение мне было совершенно нечем. Оставалось только кое-как дотянуть до конца дня. С другой стороны, мне подсознательно хотелось, чтобы он тянулся бесконечно. Я боялся вернуться домой, боялся сесть за компьютер. Поэтому после двух лекций в институте кинематографии я вернулся в офис. Делать мне там было совершенно нечего, я вообще мог работать дома, придумывая бесконечные сюжеты для рекламных роликов, но, как уже сказал, идти домой я боялся. Поэтому тупо просидел в кабинете, закинув ноги на стол, то и дело заставляя офис-менеджера Татьяну Николаевну заваривать крепчайший кофе. Я смотрел за окном. И зрение мое было настолько обостренным и сконцентрированным, что я видел мельчайшие переплетения и бороздки на коре дерева, росшего на противоположной стороне улицы. Я не отрывал взгляд от этих бороздок, они напоминали мне морщины на лице старца, в которых запуталась белесая паутина. Лето подходило к концу. Заканчивался год. Не знаю, как у других, — мой год всегда заканчивается с последним днем августа. Я старался ни о чем не думать. Но в мыслях я уже раз сто побывал у себя дома и совершил несколько привычных для меня движений: открыл дверь, сбросил пиджак, сел за компьютер в глубокое черное кресло и щелкнул «мышкой». Почему я так боюсь сделать это в реальности? Что мне стоит сейчас скинуть ноги со стола,

подхватить кейс, выскочить на улицу, махнуть первой проезжающей мимо попутке и через десять минут толкнуть дверь своей квартиры? Какие гири повисли у меня на ногах?

Потом я понял, что это за «гири» — страх не найти на экране монитора ровным счетом ничего. НИЧЕГО. Но с не меньшим страхом я думал о том, что в углу экрана высветится маленький желтый конверт. И я не знал, что лучше: это ничего или конверт...

Около семи часов Татьяна Николаевна начала характерно покашливать за дверью. А потом приоткрыла дверь и спросила непринужденным голосом:

— Еще кофе?

Я понял, что пора уходить. И вышел на улицу, впервые не завернув в свой любимый ресторанчик «Суок», хотя мог бы... Но на улице меня одолел сон, я ощутил его лихорадку и еле дождался, пока машина домчит до моего подъезда. Потом я боялся, что лифт, везущий меня на девятый этаж, вдруг застрянет и мне придется провести в нем несколько томительных часов, гадая, есть конверт или его нет? Слава Богу, этого не произошло, и я ворвался в квартиру, на ходу скидывая пиджак, разбрасывая по углам туфли и сдирая галстук. В черное кресло я опустился изрядно растрепанным, приобретя свой обычный «домашний» вид, недоступный глазу моих студентов, привыкших к моей полной «застегнутости».

Я перевел дыхание... Тогда тоже был сентябрь. На кухне и балконе лежали арбузы. Сейчас там лежат только слои пыли...

Я щелкнул клавишей, и в углу высветился желтый конверт. Неужели? Еще раз щелкнул «мышкой». Зажмурился. И открыл глаза.

«Я умерла 25 сентября 2000 года...» — высветилась строка на экране.

Я закрыл глаза. Холод и мрак охватили меня...

Август, 1977 год

Дэн

1

Это случилось в августе 1977 года. Тогда мне было восемнадцать. Я мечтал о славе. И знал, что она придет. Речь шла не о сиюминутном восхождении на некий пьедестал на узком пространстве, в котором я тогда жил. И не о рукоплескании аудитории, которая забывает о тебе на следующий же день. Нет. Я чувствовал, что у меня есть предназначение, тайну которого мне еще предстояло разгадать.

А пока оно только зарождалось во мне, словно во влажной марле набухает фасоловое ядро — такой опыт нас заставляли проделывать в школе на уроке биологии. Все тридцать пять человек проращивали фасоль, а через пару недель приносили результат в школу на урок. Я отчетливо помню, что мой зеленый побег был больше, чем у других. Это было давно, классе в шестом. Но именно после этих опытов я понял, что и как развивается внутри меня самого. И терпеливо ждал. Настолько терпеливо, что старался лишний раз не привлекать к себе ничьего пристального внимания — мне это было ни к чему. Пока. Я окончил школу, очень легко поступил в институт кинематографии на сценарное отделение (мой сценарий, написанный пару лет назад, оказался лучшим. Его потом долго еще держали на кафедре, как пример) и, узнав результат, отправился отдыхать в горы, на турбазу у подножья Карпат. Собственно говоря, это была «кинематографическая» турбаза, куда направились почти все мои будущие однокурсники, ибо объявление о «горящих» студенческих путевках висело в фойе института. Мы еще не были хорошо знакомы между собой, нас объединял общий дух недавно отшумевших экзаменов, во время которых мы все дружно толклись у дверей аудиторий и шумно приветствовали каждого выходящего оттуда.

Все это было позади. Мы съезжались на турбазу постепенно, не стовариваясь, и бурно радовались каждому вновь прибывшему. Нас расселяли по небольшим деревянным коттеджам, и мы тут же начинали обследовать территорию, узнавая, где находится столовая, бассейн, кинозал и ближайшее «сельпо», в котором продается портвейн «777». Мы чувствовали себя очень взрослыми и бывальыми. Старались общаться как можно непринужденнее и произносили имена своих кумиров «через губу». Называли мы друг друга «по-западному», поэтому меня сразу же окрестили Дэнном. Соседа по комнате звали, соответственно, Макс. Дэн и Макс — два крутых парня, будущие гении — тут же сбегали в сельпо и затарились несколькими бутылками крепленого «чернила». Пили мы все по-черному и... по-детски еще со школы — ничего дороже портвейна. Откровенно говоря, в первый же вечер я пожалел, что приехал именно сюда.

Горы тяжело синели вдаль и, казалось, дымились, окутанные равной белой пеленой испарений, а я вынужден был сидеть на жесткой койке, дуть портвейн и слушать болтовню своих товарищей. Когда нас стало мутить (виду, естественно, никто не подавал) и мы по одному начали выходить «в кустики», мне удалось вырвать по из прокуренной комнаты и самому, уже без спешки, пройти по территории базы. Это было довольно-таки тихое местечко. Или же таковым оно

было на исходе лета. За зашторенными окнами коттеджиков горел тусклый свет, на верандах кое-где сидели отдыхающие, из открытого кинозала доносились звуки запущенного фильма. Кажется, это был «Солярис»... В общем, развал и запустение. Только за белым старомодным забором заманчиво маячил мохнатый черный лес, и от него на меня покатила мощная волна свежести и тревоги. Было уже довольно-таки темно. Нелепые скульптуры «Девушки с веслом» и прочих культуристов белели по обочинам аллей, как призраки. Почти все скамейки были «беззубыми», а все фонари — подслеповатыми. Я дошел до конца аллеи, опустил на скамью, вытащил сигареты. И почти сразу заметил вспышку красного огонька напротив...

Если бы я тогда не был пьян, если бы не бродило во мне, как вино, искристое состояние эйфории вступления в новую жизнь — ничего бы не произошло и не потянуло за собой цепь событий, преследующих меня всю жизнь.

Но я был пьян. И поэтому увидел *ничто*... Это был силуэт, очерченный луной и в крошечной темноте аллеи казавшийся только контуром без телесного наполнения. Женщина курила папироску, вставленную в длинный мундштук. Она подносила к невидимым губам алый огонек, вдыхала его, и серебристый дым на какое-то мгновение заполнял весь ее прозрачный контур, словно изнутри обрисовывая тело. А потом с последним облачком дыма оно, это тело, медленно таяло в темноте. Чертовщина какая-то!

Я напряг зрение и неловко взмахнул рукой перед своим посом, отгоняя наваждение.

— Что, испугался?

Голос был слегка хрипловатым, но таким чувственным, что у меня по всему телу побежали мурашки, будто бы женщина произнесла что-то неприличное (я и потом не мог привыкнуть к звуку ее голоса: о чем бы она ни говорила — о погоде, книге, кинофильме, сосисках или лошадях, — все звучало сладко-непристойным, как откровение).

— Да нет... Нормально... — пробормотал я.

Но влажная ночь и вершины гор, чернеющие вдали, и этот красный огонек, подмигивающий в темноте, и сам воздух — такой насыщенный и свежий — отрезвили меня. Я снова попытался разглядеть сидящую напротив женщину. Бесплезно. Наверное, уже тогда у меня совершенно «замылится» глаз на нее. Такое бывает, например, с мамами, которые не могут оценить красоту или степень некрасивости своего ребенка, или же с художниками, которым их полотно кажется гениальным.